

19.05.2002

Открытая перспектива

Юрий Лужков для газеты «Московский Комсомолец»

XXI век и III тысячелетие начались 11 сентября 2001 года в 8.45 утра по нью-йоркскому времени, как в свое время не календарный, а реальный XX век начался гибелью “Титаника” и ужасами Первой мировой войны.

Но в тот же день и час случилось еще одно судьбоносное событие: История возобновилась. По крайней мере, для той значительной части человечества, которую принято называть “западным миром”. История возобновилась и разрушила ту иллюзию благополучного завершения эволюции всемирной цивилизации, которая возникла в конце 80-х после поражения коммунистической системы.

Тогда нарушение баланса сил двух мировых систем, определявших развитие на протяжении почти всего века, породило эйфорию победы без применения силы. Ее следствием стало ощущение самодостаточности западного мира, которое начало выражаться в пренебрежении к международным институтам и нормам, казавшимся в новых условиях излишними.

Провозглашенная в нашумевшей статье Фрэнсиса Фукуямы доктрина “конца истории” вызвала, правда, возражения в интеллектуальных кругах, не стала полноценной научной теорией. Однако она отразила умственный настрой, картину мира, сложившуюся в головах влиятельной части западного, прежде всего американского истеблишмента и довольно успешно внедряемую в сознание широких слоев населения.

Согласно этой модели, западный общественный порядок, его ценности, рыночная экономика и построенная на их основе мировая политическая система — не вариант, а единственный путь человеческой цивилизации. Остальные страны и системы рано или поздно, в рамках процесса глобализации, будут втягиваться в общую логику “догоняющего” по отношению к Западу развития и следовать за ним. А те культуры и цивилизации, что останутся за бортом глобализационного процесса, будут деградировать и погибать в процессе исторического отбора.

В свете подобных представлений будущее человечества превращается из напряженного поиска и соревнования различных путей и моделей развития в механический процесс перемалывания стран,

народов и культур по единому нивелирующему стандарту. А Западу присваивается статус образца, не только формирующего современный мир, но и являющегося уже сегодня его будущим.

Придание западным странам такого статуса и ценности ведет к определенной политической практике. Оно порождает принципиально новые подходы к организации международных отношений, глобальный эгоизм — право вмешиваться в любую ситуацию в любой точке Земли на основании “гуманитарных” соображений и ценностей прогресса. Такого рода установки разделяются далеко не всеми лидерами западного мира, однако, как показали события последних лет, они в значительной мере были приняты на вооружение руководством США и НАТО.

Нет слов: мы ценим западную цивилизацию, гордимся своей принадлежностью к ней. Не только достижения научно-технического прогресса, рыночной экономики, но и достоинства самой модели общественно-исторического развития, институтов политической демократии и гражданского общества — все это поистине неоценимо.

Вопрос лишь в том, дают ли эти достижения основания считать западную модель строго обязательной для всех незападных стран и народов.

Вопрос тем более важный, что в новой политической ситуации, обнаружившей себя после 11 сентября, такая установка вовсе не безобидна. Она не представляет собой, как казалось поначалу, теоретическую гипотезу. Напротив, по отношению к антизападному экстремизму такая установка образует мощный силовой полюс, провоцирует политическую напряженность, как бы лишаящую народы всякой надежды на взаимную толерантность. Ведь если цивилизации, отличные от той, что претендует сегодня на гегемонию, не собираются ни сдаваться, ни нивелироваться, ни сворачивать со своего пути, то при такой идеологической установке ничто не мешает “передовым и цивилизованным” наказывать отсталых и несознательных. А значит, как минимум поощрять милитаризм, гипертрофию секретных служб, разработку и накопление всевозможных вооружений.

А согласно Чехову, если вооружение есть, то оно обязательно забомбит. Это он про театр говорил. Но к мировой сцене тоже относится.

Новое двоемыслие

Однако есть ли у Запада основания объявлять себя флагманом всемирной цивилизации? Ведь еще недавно большинству европейских и американских интеллектуалов было очевидно как раз обратное: западная цивилизация находится в глубоком кризисе и стоит на пороге перемен. Приведем лишь один из множества диагнозов недуга:

“Кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это кризис форм социальной, политической и экономической организации, включая формы брака и семьи. Короче, это — кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть более точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий”.

Слова эти принадлежат не какому-нибудь коммунисту, а знаменитому американскому философу и социологу Питириму Сорокину. Сказать, что он не одинок, — ничего не сказать: в течение всего двадцатого века именно от западных мыслителей мы узнавали о тупиках, в которые уткнулась новоевропейская цивилизация. Советской контрпропаганде в свое время просто делать было нечего: цитируй — и все.

В свете подобных диагнозов концепция Фукуямы поначалу выглядела отчаянным заклинанием, попыткой удержать рушащееся во время землетрясения здание.

И что же? Абсолютно не слышно, чтобы какие-либо из цивилизационных проблем были решены или потеряли свой пугающий масштаб. И вдруг, как по команде, все растворилось. Оставшись нерешенными, проклятые вопросы исчезли. То, что совсем недавно волновало западную общественность, вдохновляло профессоров на статьи, а студентов — на выступления, неожиданно стушевалось, заглохло. Как в том анекдоте про успешное лечение геморроя успокоительными таблетками: “Прошло?” — “Нет. Но меня это больше не волнует”.

Еще недавно было очевидно, что глубокий кризис переживают сами идеи развития и прогресса, на которых строится западная цивилизация. Они не могут справиться с той ценностной и смысловой пропастью, которая все дальше разводит непрерывное развитие технологий, рост населения Земли, средств освоения мира, с одной стороны, и — конечность ресурсов планеты, диспропорции развития, расширение пропасти между богатыми и бедными — с другой.

Ушли из обсуждения и болезненные проблемы “общества потребления”. Дискуссии и исследования про пугающий вакуум смысложизненных ценностей, иллюзорность потребительского бытия и прочее — не буду повторять — все загадочным образом исчезло. А ведь конфликты и проблемы, порождаемые подобными явлениями, очень мало похожи на “конец истории”. Как можно считать императивной для

всего мира модель, которая сама нуждается в существенном изменении и коррекции?

Столь же загадочным образом позабыты гуманитарные достижения западной мысли. На протяжении ста с лишним лет шла труднейшая работа по преодолению евроцентристской картины мира. Речь идет о старой, доставшейся еще от Средневековья мировоззренческой установке, не признававшей прав других цивилизаций, иначе отвечающих на вопрос, ради чего живет человек. Универсалии просветительства, рационализм эволюционистских, модернизаторских идей — все было подвергнуто тщательной разборке и преодолению в работах писателей, философов, ученых. Они показали, что технологическая, военная, финансовая мощь западных стран, уютная комфортабельность повседневного существования затмевает исчерпанность фундаментальных основ новоевропейской цивилизации. Казалось, теперь никуда не уйти от пересмотра самих основ западноцентристской модели. И вдруг после того, как на эти темы были написаны кучи научных работ, созданы миллионы произведений, западноцентризм возрождается, как мертвец в триллере. Политический истеблишмент оказался вдруг убежден: он владеет единственно правильным секретом мироустройства.

Но самая нерадостная судьба постигла главное достижение гуманизма — представление о единстве человечества и равенстве людей в правах. Конечно, это был всего лишь постулат. И все же, как ни странно, он соблюдался. Развитые страны считали безусловным долгом заботиться о слабых просто потому, что все — люди. Беспокоились о бедных, неграмотных, голодных. Говорили, что их надо поднять до уровня развитых, помочь им достичь процветания. И не только говорили, но и пытались многое сделать. Сколько времени и средств потрачено. Сколько написано томов резолюций и договоров. Сколько проплачено научных исследований. И что же? Все подернулось либо прекраснодушной риторикой, либо бюрократической коростой. Уже нет чувства ответственности за слабых и голодных: мол, все нормально, господа, это их выбор, их собственная вина. А потому сокращаем до минимума помощь незападным странам, предоставляя ее лишь в тех случаях, когда отсутствие такой помощи может привести к непосредственным угрозам интересам Запада. “Помощь — не благотворительность, — поясняет проповедник внешнеполитического либерализма М.Макфол. — Помощь — это орудие американской национальной политики, ее продолжение другими средствами”.

Мир, который еще недавно был гуманистическим и единым, вдруг стал делиться по стратегическому принципу: на тех, кто входит в зону

интересов западных стран, и тех, кто не входит, не нужен и, главное, не опасен. Этими последними вообще не принято интересоваться. Пусть помирают, если не могут выжить. Почти как у Достоевского: “...мир пусть провалится, а мне чтобы чай пить”.

Я говорю, конечно, о политической практике, а не о риторике. С ней-то как раз все в порядке. Скажу больше: если бы новая позиция была проработана, подтверждена пересмотром гуманистических основ и ценностей западной цивилизации, это было бы даже похвально. Потому что свидетельствовало бы о стремлении свести идеологию с практикой. Можно было бы спорить, не соглашаться. А тут даже повода нет: идеи самого кондового “гуманизма” не только провозглашаются, но даже педалируются, когда надо использовать их для вмешательства (в том числе и военного) в дела других стран.

Возникает странная ситуация, которую мы хорошо изучили в Советском Союзе. Выдохшаяся идеология не отменяется, но чем дальше, тем больше в общей сцепке идет практическое отступление от нее. Двойные стандарты. Или, говоря на языке советской интеллигенции, двоемыслие.

В условиях информационного общества такое состояние двоемыслия достигается без всякого насилия и цензуры, мягкими технологиями нейролингвистического программирования. Команды циничных пиарщиков, не верящих ни во что, кроме убойной силы лжи, анализируют, просеивают, проектируют информацию, интерпретирующую события нужным образом, в отобранных словесных клише. Затем по специальным сценариям (все это, конечно, проплачивается) задействуются те или иные средства массовой информации, прежде всего телевидение. Результаты снова анализируются, промеряются. И так без конца: граждане приучаются излагать подменные проблемы чужими словами и выбирать свое мнение, как товар в супермаркете, из нескольких упакованных и готовых к употреблению комплектов с ограниченным набором слов и смыслов. По прошествии времени люди научаются не видеть того, что видят: знать одно, думать другое, не испытывая при этом никакого дискомфорта. Напротив, для многих такое состояние очень даже сладостно.

Древние верили: черты побежденного переходят на победителя. Похоже, итоги “холодной войны” подтверждают это поверье.

Мир двухслойный вместо мира двухполярного

А теперь — случай из серии “однажды в Америке”. Во время одной деловой поездки замечательное впечатление на меня произвел некий бизнесмен. Не буду называть имени, поскольку не испросил разрешения.

Скажу только, что речь идет о человеке влиятельном и весомом, разговаривать с которым одно удовольствие: такой широты суждений и глубины политического анализа не встречал у профессиональных экспертов. Видимо, и ему было небезынтересно: мы проговорили до глубокой ночи; если бы не жены, не разошлись бы до утра.

А позже узнал — абсолютно случайно, — что примерно в то самое время он втайне участвовал в одной финансовой акции. Не знаю подробностей, но смысл такой: перевел со своих счетов в некую восточную страну большие деньги, поддержал там атаку на национальную валюту, после чего растворился с немалым наваром: мол, знать ничего не знаю и ведать не ведаю. А тысячи людей в той стране (заметим, людей ни в чем не повинных — они ведь не участвовали в финансовых рисках) стали нищими. В иных обстоятельствах такой отъем денег у населения назвали бы грабежом. Но с точки зрения либеральных порядков это не уголовщина, а успех. Так что если бы, допустим, для проведения финансовой атаки моему собеседнику пришлось на время объединить свои капиталы с деньгами какого-нибудь наркокартеля, то и это в конечном итоге не осуждается: сам-то наркотиками не торговал.

Такова лишь одна (похоже, реальная) история, а теперь представим себе их тысячи и посмотрим, во что они складываются. А складываются они, надо признать, в такую картинку, где видишь либо одну сторону, либо другую. А вместе никак не получается.

Существует как бы два параллельных мира. Мир открытый, в котором мой знакомый выступает как бизнесмен и общественный деятель, и мир скрытый, где он проводит свои операции.

В первом есть государства, границы, международные обязательства, во втором ничего этого нет. В одном действуют конституции, законы, принцип разделения властей. В другом — только правила свободной игры капиталов, которая больше похожа на игру без правил.

Первый относительно стабилен: тут решения проходят бюрократическую обработку, публикуются, контролируются и так далее. Второй сиюминутен и таинствен: здесь люди действуют под псевдонимами, порой в виртуальном пространстве, возникают как из небытия и так же быстро дематериализуются.

В первом мире мы с вами живем. Он понятен и видим. Мало того, он как бы специально приспособлен для видения и понимания, чтобы давать нам образы, в которых мы мыслим жизнь.

Второй скрыт и непредставим. Тут все втайне, под ковром, в мутной воде. Тысячи агентов тайных служб с помощью новейшего оборудования пытаются подслушать, найти, перекупить информацию об этом скрытом

мире. Но если бы даже мы вдруг узнали все их данные и “прослушки”, то и в этом случае не получили бы карту скрытого мира. Потому что не знаем законов его построения, он не приспособлен для восприятия.

Заметим, что оба мира существуют в одном и том же пространстве и часто представлены одними и теми же людьми. Но это не мешает тому, что все понятия и оценки перевернуты. Скажем, нас беспокоит такое явление, как коррупция. В открытом мире она разоблачается и осуждается. А с той стороны коррумпированные, сетевые связи предстают основой мироустройства: за них борются, на них тратят огромные деньги. И так же — другие понятия: чего ни коснись — закона, морали, социальных обязанностей — все имеет иной, перевернутый смысл.

Что тут нового, спросит читатель. Богачи всегда втайне финансировали политиков. Кто только не говорил о коррупции, не снимал фильмов, не писал романов о неформальных связях сильных мира сего. Согласен. Однако до какого-то момента все это было явлением полочным, периферийным, не влияющим на расстановку действующих в мире сил. И вдруг акценты сместились: “мировая закулиса” стала определять принятие решений на самом высоком уровне.

До сих пор в мире действовали национально-государственные образования. Позорный пакт Молотова—Риббентропа тоже подписывался втайне. Но тогда мир делили государства, а не мафии. К бомбардировкам Югославии можно относиться по-разному, однако и эта акция предпринималась группой стран против легитимной верховной власти. Даже акции террористов до сих пор имели своей мишенью правительства. Во всяком случае, именно так экстремисты формулировали свои требования.

Теперь, после 11 сентября, все изменилось. Анонимные субъекты международной политики вышли на мировую арену. Мы не знаем, ни кем, ни кому было адресовано их жуткое “послание”. Но, кажется, те, кто был адресатом, сумели его прочесть.

В самом деле, чем дальше разворачивается силовой ответ, тем больше закрадывается ощущение, что все разговоры о “бедном юге” против “богатого севера” представляют собой лишь очередной муляж, изготовленный политологами. Что система мышления, в которую все это вкладывается, не соответствует новым реалиям. Они остаются размытыми, единичными, не связанными в целом.

Это мир псевдонимов. Мир, где “защита либеральных ценностей” — такой же фетиш, как священная война, о которой говорили талибские командиры, пока не согласились сложить зеленые знамена ислама за пачки “зеленых” и спутниковые телефоны.

И это, кажется, лишь начало того нового, что несет с собой глобализм.

Зарождение постдемократии

Иначе говоря, в мире появились скрытые политические силы, сравнимые с государствами по финансовой мощи и организаторским возможностям. В России они были названы на античный манер “олигархами”, в Европе я слышал выражение “новые хозяева планеты”. Ни то, ни другое, похоже, не соответствует природе и роли этих образований. Скорее, мы просто еще не догадываемся, какие перспективы сулит их фантастический рост.

О транснациональных корпорациях сейчас много пишут, но мало знают в силу их закрытой природы. Считается, что они не имеют административного и силового ресурсов, которые принадлежат государствам. Практика показывает, что все не так просто.

Во-первых, едва окрепнув, ТНК обнаружили почти полную независимость от национальных государств. Власти нередко оказываются просто бессильными перед представителями международного капитала, которые не допускают инспекций, перемещают деньги со скоростью света, делают капиталовложения в различных уголках планеты, укрывают доходы в безналоговых зонах, вне поля действия государства.

Во-вторых, в отличие от легитимно избранной власти олигархии не скованы ни программными обещаниями, ни нормами общечеловеческой этики, ни национальными договорами, ни общественным мнением — короче, ничем. Конечно, и в открытой политике редкий деятель обнаруживает внутреннюю приверженность моральным устоям. И все же публичность, зависимость от избирателя, да и просто страх народного возмущения заставляют государственных лидеров держаться, что называется, в рамках. Совсем другое дело — хозяева международного капитала. Свободные от ответственности за социальные последствия своих действий, не ведая границ, они атакуют национальные экономики, навязывают свои интересы правительствам, не чувствуют никаких обязательств перед законом и людьми.

Но даже не это главное. Главное — и это в-третьих, — что олигархии везде размывают демократию. Они больше верят в силу денег, пиар-технологий и прочих инструментов массового зомбирования, чем в идеалы демократического общества. Они стремятся определять исход президентских и парламентских выборов, прикупать членов правительства, проникать в государственные структуры, приватизировать власть. Лишенные старомодного патриотизма и чувства

ответственности, эти новые обладатели немереных денег хотят пользоваться услугами государства как учреждения, которому определяют цели и задачи.

Деньги и информация — их оружие. “Политическая власть, — иронизирует “Монд дипломатик”, — является сегодня лишь третьей по счету. Раньше идет власть экономическая, затем власть средств массовой информации. Если вы обладаете этими двумя, то овладение политической властью становится чистой формальностью”.

И тут мы подходим к самому интересному. Бытует мнение, что международный капитал и национальные государства — явления разнотипные, несмешиваемые, как вода с нефтянкой в загрязненной реке. Так говорят рыночные фундаменталисты. На этом построены все их неолиберальные требования: “дерегулирование экономики”, “минимализация государства” и прочее в том же духе.

На самом же деле все не так примитивно. Не только олигархи используют власть — она тоже сегодня использует их для проведения той политики, на которую никак не была бы способна в условиях демократии, то есть подотчетности, прозрачности, необходимости соблюдать законы.

Дело в том, что до какого-то момента, а именно — пока был коммунистический противовес, крупнейшие западные государственные устройства могли держаться на демократических основаниях. Но, потеряв в лице СССР глобального соперника, они лишились мотивации, позволявшей вести теневую политику: оказалось, что уже не надо спасать мир от коммунистической угрозы. Между тем выяснилось, что за годы “холодной войны” они настолько переродились экономически, накопили такой силовой потенциал, который не может быть сохранен без идеологической мотивации. Ведь классическая демократия построена на идее открытости, просматриваемости, подконтрольности управления. Дай ей волю — и демократические процедуры станут непреодолимым тормозом для супердержавной политики. Власть не получит сумасшедших денег на национальные программы, элиты не будут влиять на избирательный процесс, транснациональные корпорации не смогут использовать политические ресурсы для давления на другие страны. Короче, новые задачи окажутся невыполнимы, и все пойдет кувырком.

Между тем крушение альтернативы открыло перед Западом неограниченные возможности доминирования. В этих условиях, чтобы не перестраиваться и сохранить силовую мощь, понадобилось срочно искать подпорки, скрытые методы регулирования, которые позволили бы в однополярном мире, при полном отсутствии мотивации продолжать наращивать вооружения, строить СОИ, усиливать функции мирового полицейского.

“Администрация Буша, — размышляет американский финансист и общественный деятель Джордж Сорос, — явно ностальгирует по последнему этапу “холодной войны” как периоду, который оказался особенно благоприятным для интересов США. Сознательно или нет, она стремится воссоздать те условия. Она повсюду ищет внешнего врага, и если достаточно постарается, то, весьма вероятно, сумеет найти”. Эти слова были сказаны до теракта. Механизмы “информационного общества” и “глобального бизнеса” уже давно выполняют те функции, которые делают демократию фактически постдемократией. То есть позволяют супердержаве, сохраняя институты демократии, быть тем, чем она стала за годы “холодной войны”.

Мы не станем здесь углубляться в эту тему. Она потребовала бы множества разъяснений, прежде всего относительно механизмов сокрытия, невидимости, бесконтрольности. Скажем в общем: мы видим как бы двусоставную структуру власти. На поверхности — выборность, прозрачность, подотчетность, подконтрольность — все что полагается. Но за каждым стратегически важным решением просматриваются другие, скрытые структуры. Или, говоря иначе, нынешняя постдемократия — это такое устройство, где всю работу по зомбированию массового человека и обеспечению устойчивости властей берет на себя невидимая элита. А власть, со своей стороны, лоббирует интересы новой элиты и заставляет экономически зависимые страны открывать границы для глобального рынка.

В результате перед нами — уже не классическая демократия, подверженная эрозии перед лицом выходящих из-под контроля “сетевых связей”, а новый социальный порядок. Субъектами политики становятся не только государственные лидеры, но и представители международного капитала, которым не ведомы ни границы, ни культуры, ни гуманистические постулаты. Хотелось бы сказать, что реализуется некий необъявленный мировой проект постдемократического устройства. Но неизвестно: есть ли такой проект или, как нас уверяют, все идет в стихийном режиме?

В любом случае то, что было в XX веке массовым обществом (где мнение индивида имело какое-то значение), неуклонно превращается в нечто новое — зомбированную биомассу, которой будет управлять каста властвующей элиты.

Когда после падения СССР наши либеральные фундаменталисты делали ваучерную приватизацию и залоговые аукционы, они смотрели не на базарных наперсточников, как можно было подумать, а именно на мировую финансовую элиту. “Надо создавать своих миллиардеров” — таков был идейный тезис. Пусть все богатство народа отойдет

нескольким людям, которые смогут войти во всемирный теневой клуб. Народ — дело прошлое, с ним в современном мире никто не считается. Теперь главное — пропуск в сообщество транснациональных миллиардеров. Оттуда можно контролировать государства, там сегодня всемирная власть.

Что такой тезис обсуждался всерьез и впрямую, видно хотя бы по поведению одного из наших незабвенных (к сожалению) олигархов, который и за пределами страны не может оставить параноидальной идеи, что с помощью денег и пиар-технологий будет менять государей на Руси.

Недавно российский президент заявил: “Я не думаю, что олигархический путь развития России является для нее оптимальным и самым лучшим. Наоборот, я думаю, что это было бы бедой для нашей страны”.

Все-таки удивительный мы народ. Другие пытаются, прежде чем что-то делать, прикинуть последствия, проверить мысленно, прокатать на моделях, а уж потом рисковать (да и тут поэтапно, с опаской: а вдруг чего недодумали?). У нас же все должно быть сразу и без обиняков. Даже если противоречит естеству и логике, все равно попробуем. А потом, почесав затылки, говорим: ну, ошибались, давайте в обратную сторону...

Но это так, к слову. Вернемся, как говорится, к нашим баранам. Про козлов потом поговорим.

Глобализация как проект

Итак, мы видим сегодня сосуществование двух разных принципов политического мироустройства. За одним стоит мир явленный, за другим — скрытый. За первым — национальное государство, за вторым — тенденции глобализма. За открытым — традиционные ценности, за скрытым — пока неизвестно что.

Возникает вопрос: что дальше? Есть ли на самом деле проект глобализации и как представить себе перспективы дальнейшего разворота событий?

Назовем три гипотезы. Первая принадлежит антиглобалистам. Они говорят, что цель новых хозяев планеты — мировое правительство, элитный клуб международной бюрократии и олигархии, не отвечающий ни перед какими национальными властями. Согласно такому прогнозу, новый класс, состоящий из коррумпированной международной бюрократии и ТНК, уже существует, хотя до поры не оформляется ни в какую структуру, а пока лишь использует США как плуг, чтобы взрыхлить почву. Когда же все вызреет окончательно, супердержаву обвалят и унаследуют ее силовой ресурс. Ну, скажем, в рамках преобразованной наднациональной структуры типа НАТО, которая не будет уже

подчиняться ни одному из государств. Фантомы? Возможно. Но это прогноз не только антиглобалистов: “Реальность мировой власти по большей части ускользает от государств, — размышляет бывший генсек ООН Бутрос Бутрос Гали. — Одинаково верно и то, что глобализация предполагает появление новых властных структур, возвышающихся над государственными”.

Более интересен другой вариант. У параллельного мира, говорят прогнозисты, нет проекта выйти наружу, олигархи не собираются заменять властные устройства национальных государств. Их природе соответствует использование государств как своих учреждений, правительств как менеджеров. Эффективность мировой элиты обеспечивается именно псевдонимностью, ее устраивает теневое существование. При всей парадоксальности этой концепции такой вариант кажется мне более правдоподобным.

Но есть и третий прогноз, о котором совсем не хочется думать, хотя уже невозможно после тех репетиций, которые мы видели на недавних французских, а до этого австрийских выборах. Речь идет об угрозе авторитарных и деспотичных режимов.

Не только финансовые мастодонты хотят построить новый мировой порядок с иной структурой власти. В современном глобализационном котле встречаются разные, в том числе откровенно антидемократические тенденции. Новый мировой порядок нуждается не только в либерализации, но и в стабилизации. Революции, перевороты, судя по всему, — дело прошлое. Всемирной элите лучше иметь дело с коррумпированными деспотиями, чем с непредсказуемой демократической вольницей.

Когда после 11 сентября американский президент обозначил новую “ось зла”, удивило не то, что она была составлена, так сказать, по доглобальной методике — из национальных государств, а не террористических мафий. Поразило другое: что эта пресловутая ось оказалась целиком вынесена вовне. Так, словно наряду с исламским терроризмом не существует и внутренний американский, будто в самой сердцевине Запада нет ни праворадикальных, ни откровенно фашистских тенденций. Слово взлетающие рейтинги лидеров национальных фронтов не спровоцированы теми, кто хочет внушить массам: единственная защита от преступности, безработицы, имущественного расслоения и так далее — в поддержке ультраправых как единственной альтернативы “мировой закулисе”, которую не интересуют заботы простых граждан.

Было бы наивным, как это делается сплошь и рядом, объяснять все такие тенденции лишь с позиции обывательских страхов. Потому что

тогда мы не видим внутренней связи респектабельных программ типа лепеновской с радикальными версиями антигуманизма и неонацизма, которые встречаем у тех, кто объявляет Запад “Большим Шайтаном”. На поверхности кажется, что эти силы должны лишь бороться друг с другом. Они и борются. Но стоит немного расширить горизонт зрения, и мы обнаружим, что как исторические тенденции крайние политические течения удивительным образом резонируют. Между ними существует какое-то скрытое притяжение, ощущение сообщничества — ненависть к общему врагу, к постпросветительской цивилизации, исчерпавшей, по их мнению, свой ценностный ресурс, утратившей страсть и веру. Все они говорят нам, что идеи гуманизма и прогресса завели человечество в тотальный тупик, что единственный выход — вернуться к истокам, к архаике, под которой, конечно, каждый имеет в виду свое. Но цели эти откровенно провозглашаются и у респектабельных крайне правых, и в концептуальных документах неофашизма, и в радикальном исламе.

Что все это — тоже продукт глобализации, а не возрождение Средневековья, видно хотя бы по тому, как умело и агрессивно радикальные группировки используют плоды западного прогресса, его техническое совершенство. Как и финансовые транснациональные монстры, они живут в теневом, параллельном мире и пользуются всеми его новыми возможностями, перекрывающими физические, моральные, социальные границы государственных образований. Живут — а не только работают: невидимые, подвижные, не имеющие ни постоянных территорий, ни громоздких армий, они выключены из нашего мира с его нормальными законами и лишь вбрасывают сюда нечто непостижимое, построенное на сочетании безукоризненного технического расчета с мистической энергией фанатизма.

11 сентября стало страшным, но неотвратимым стимулом, чтобы понять на деле, а не на словах: демократия оказалась перед лицом угрозы не государств и армий, не новейших вооружений и высоких технологий, но перед лицом угрозы непонятной и непредсказуемой. Это вызов иллюзии превосходства прагматизма над... Над пока неизвестно чем.

В “холодной войне” Западу противостояла коммунистическая идея. Но коммунистическая идея, при всей ее оппозиционности, была идеей гуманистической по происхождению, внутренней, и потому понятной. Коммунизм провозглашал ценности прогресса не менее, а то и более последовательно, чем западный мир: его утопия Царствия Божия на Земле не ограничивалась идеей “золотого миллиарда”. В любом случае это был конфликт внутри гуманистического мира, борьба за победу одного из вариантов избранничества.

То, что мы увидели 11 сентября, не похоже ни на что из известного. Это мало похоже на пресловутую “войну цивилизаций”: разные цивилизации, в том числе христианская и исламская, веками сосуществуют друг с другом, обходясь без войн на взаимное истребление. И уж тем более на “войну бедных против богатых”: подлинно бедным свойственно думать скорее о собственном выживании, чем об уничтожении нью-йоркских небоскребов. А вот на что это очень похоже — на радикальные версии антигуманизма, как бы нам ни казалось, что демократия непобедима.

Пока что главное возражение против возможности авторитарных режимов сводится к одному: их экономической неэффективности. Но стоит кому-нибудь построить корпоративную деспотию нового типа, опровергающую этот тезис, — и демократия может посыпаться под напором масс.

Однако все это не убеждает западных лидеров, и прежде всего США, в недостаточной (скажем мягко) обоснованности идеи однополярного либерального мира. В событиях 11 сентября они увидели, кажется, лишь свидетельство недостаточной решимости и твердости в проведении своей линии. И получили дополнительные аргументы, чтобы претендовать на подчинение себе действий мирового сообщества, только теперь уже не под лозунгом борьбы с коммунизмом, а под лозунгом новой войны с новым мировым злом.

Новые вызовы российской государственности

Итак, хотелось бы несколько сдвинуть оптику. Не между цивилизациями, как кажется на поверхности, идет спор за будущее. А между самым традиционным национально-государственным устройством и каким-то неизвестным пока новым порядком, по отношению к которому Запад находится примерно в том же положении, что и Восток.

Скажем иначе: нам предстоит не всеобщая вестернизация, как утверждают гробокопатели истории, а такие изменения, по отношению к которым весь сегодняшний мир находится в примерно одинаковом положении, когда смутные, туманные и тревожные контуры грядущего едва различимы на горизонте.

И тут мы подходим к главному, ради чего вообще пишется эта статья. Как бы там ни было, современное государственное устройство западного типа, называемое “демократическим”, построено на постулатах XVIII века. Оно прекрасно и устойчиво. Американцы по праву гордятся своей не меняющейся конституцией. Но если глобализация есть признак иного надвигающегося миропорядка, то противоречия между

государствами и новой глобальной элитой дадут себя знать повсюду. Слишком ненадежны, непатриотичны те силы, которые выдвигаются сегодня на мировую арену.

Пока что развитые страны находят решение проблемы в провозглашении своего порядка как единственно истинного. И это понятно: классическое западное государство еще долго не сдаст своих позиций. Оно веками прорастало сквозь общество, у него нет опыта перестройки. Оно всегда развивалось на внутренних основаниях, забыло, как это мучительно — реформировать общественный строй.

Иное дело — Россия. Конечно, наша отечественная история, особенно в XX веке, не дает особых поводов для оптимизма. Ни один народ не наломал столько дров, не наделал столько ошибок, не дал себе столько поводов для раскаяния. Как пошутил недавно отечественный историк, “наверное, все-таки мы произошли от какой-то другой обезьяны”.

Все так. И тем не менее есть какая-то неслучайность в том, что Россия волей судьбы должна заново отстраивать свою государственность в эпоху крушения классической концепции государства. Она вступает в новый мир налегке, все поломав, раздав, сбросив. Дважды за одно столетие она пережила сломы, доходившие до глубочайших социальных пластов. Уклады целых сословий, народные навыки и традиции — все было безжалостно выкорчевано, сломано, разворочено. Революция семнадцатого года снесла вековые уклады российского общежития, но потом, будто этого мало, в конце века вновь обрушили, разломали, разослали по заграницам все, что еще могло стоять и работать. Ни в Европе, ни тем более в Америке такого опыта перестройки нет.

Это трагично, но речь не о том. Удивительно, но на входе в новую эпоху Россия представляется как бы очищенной от пут прошлого. Какой в этом смысл, есть ли он? Может ли страна как некое надчеловеческое образование иметь свою судьбу, двигаться собственным непонятным пока курсом, строя то, чему мы еще не способны найти ни образа, ни названия? Наверное, я, что называется, “генетический оптимист”, но верю в такую открытую перспективу.

Сегодня в России ищется государственное устройство, которое соответствовало бы новым глобальным тенденциям, было бы ориентировано на перспективу, а не на прошлые образцы. Этот поиск идет с невероятной интенсивностью. Он не имеет отношения к проповедям пресловутого “третьего пути” или какого-то особого устройства России. Он осуществляется в логике новой системы, не сдерживаемой устаревшими механизмами.

Не все понимают направление этого поиска. Либеральные критики, например, утверждают, будто в России “возрождается Средневековье”, “феодальный патернализм” и так далее. Такие аналогии возникают от того, что все точки соотнесения берутся из прошлого, все образцы — сзади. Идеалом для наших западников являются макроэкономические постулаты середины прошлого века. Они не признают, что отступление от радикального либерализма западного типа тоже может быть формой модернизации, решением тех же задач в новом контексте, который изменил все.

Между тем проблема стоит именно так, поскольку контекст глобализации — говорю как практический политик — влияет буквально на все, от него просто невозможно отвлечься. За что ни возьмись, будь то вопросы экологические, демографические, геополитические, — сегодня они не решаются вне этого контекста.

А значит, цель наша не в том, чтобы заморозить или повернуть вспять процессы глобализации. Но их можно и нужно сделать более справедливыми, более благоразумными, более, если хотите, регулируемыми. Они намного обогнали способность человека, да и государства жить под их давлением. Мы запаздываем в проблемном видении, в перестройке управленческого мышления. Да что мы — мир в целом оказывается неготовым. Он уже живет, так сказать, в будущем, а соответствующей глобализму модели общественного устройства нет. Все общественные институты, вся политика, идеология, нравственно-этические нормы — из прошлого. Нет и намека на глобальную солидарность граждан нового глобального мира. Есть эгоизм участников мирового рынка и гордыня обладания истиной в прямой зависимости от способности проводить свою линию методом кнута и пряника. Смешно и грустно: кажется, только международные мафии чувствуют себя комфортно в новой ситуации.

Все признают силу и богатство так называемых цивилизованных стран. Но это как раз то, чем они делиться не собираются. А вот то, чем они готовы поделиться — не деньгами, а культом денег, а правом сильного, — неприемлемо для большинства других цивилизаций ни под каким кнутом, ни за какие пряники.

Между тем мне более близки те мыслители, которые характеризуют нынешнее переходное состояние как наиболее близкое тому периоду в биографии человечества, который был назван “осевым временем истории”. (Так в свое время философ Карл Ясперс обозначил тот далекий период истории, когда взамен разрозненных племенных верований появились единые мировые религии — идеи христианства, буддизма, конфуцианства.) Свершившаяся тогда “революция сознания” тоже была

ответом на вызовы времени. Она сделала человека тем, что он есть сегодня: создала новую мораль.

Так вот, глобализму, хотим мы того или нет, тоже соответствует новая этика. Кто-то называет ее “абсолютной моралью”, имея в виду такую мораль, с нормами которой согласились бы все. Мне более понятны слова Достоевского: “всемирная отзывчивость”. Потребность в единой этике — не прекраснотушие, а необходимость. Если мы не найдем нового человеческого ответа на вызов глобализации, мировой бойни не избежать.

Двоемыслие как этический постулат не может претендовать на всеобщее признание. Элементарный инстинкт не позволит человечеству признать в качестве мирового лидера страну, забывшую о чистоте принципов, понуждающую принять ее условия подкупом и бомбежками. Народы еще не утратили морального чувства, да и вряд ли когда-нибудь потеряют его.

Сегодня Америка претендует на лидерство в глобальном мире. Мы не против, но истинное лидерство берется не силой, а признанием. Оно за тем, кто придет к новой морали, новым формам взаимоотношений — не на противостоянии, не на высасывании, не на выбрасывании тех, кто вне стратегических интересов. Так можно было строить геополитику раньше. Теперь надо думать о мире в целом, искать этику всемирной отзывчивости. Только тот, кто сумеет это сделать, будет моральным лидером в мире.

Ведь тем и замечательно осевое время, что оставляет будущее совершенно открытым, и никто не скажет заранее, из каких галилей и медвежьих углов придет обновляющий вдох.